

ственной и локальных войн, миллионные потери населения последних лет постиндустриальных преобразований – сколько еще нужно принести жертв, чтобы постичь истину? Жизнестроительство в любви через жертву эгоизма – таков глубинный духовный смысл русской идеи. Заменяя этот смысл русской идеи на социально-политический в диалектической интерпретации, российский суперэтнос пожертвовал своей активной частью и тем самым подверг себя риску духовно-интеллектуальной деградации, самовыворждения и изменения «этнического лица».

Исследование выполнено в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010)», проект № 2.1.3./12199 «Русская философия: единство в многообразии».

УДК 130.2

ТРАВМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И ПСИХОАНАЛИЗ

Е. В. Романовская

Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
E-mail: evromanovskaya@mail.ru

Исследуя проблемы памяти, учёные обращают внимание на так называемые травмы (субъекта, личности, сознания, памяти). В русле этого исследования представляется чрезвычайно любопытным рассмотреть влияние психоанализа на «мемориальную» проблематику.

Ключевые слова: социальная память, травма, психоанализ, история.

Trauma of Social Memory and Psychoanalysis

E. V. Romanovskaya

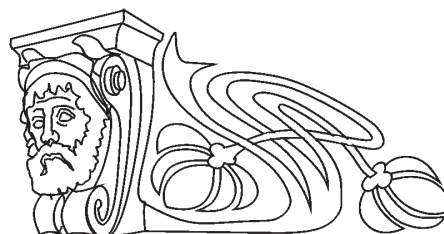
Focused on memory studies scientists pay attention to so-called «traumas» – personal, individual; «traumas» of consciousness and memory. We believe that it's important to consider the influence of psychoanalysis on «memory» problem within the framework of «memory studies» research.

Key words: social memory, trauma, psychoanalysis, history.

Востребованность темы памяти связана с фундаментальными проблемами в жизни общества: много говорится о «войнах памяти», под которыми понимают современные ненасильственные, но носящие агрессивный характер войны вокруг памяти об историческом прошлом – например, споры и столкновения мнений по поводу политики памяти о Второй мировой войне с течением времени не стихают, а становятся всё более интенсивными. В обществе идут ожесточённые споры о личности Сталина, голодоморе, холо-

Примечания

- 1 См.: Геродот. История : в 9 кн. Л., 1972. С. 188–189.
- 2 Федотов Г. П. Лицо России // Федотов Г. П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 42.
- 3 Библия. Дан. 2.24–2.48.
- 4 Кусков В. В. История древнерусской литературы. М., 1982. С.185.
- 5 См.: Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск, 2006. С.14.
- 6 См.: Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л., 1991. Т. 1. С. 47.
- 7 Флоровский Г. Указ. соч. С. 15.
- 8 Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 51.
- 9 Туган-Барановский М. И. Интеллигенция и социализм // Интеллигенция в России. СПб., 1910. С. 242.
- 10 Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи : сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990. С. 21.

косте, которых ранее не могло быть в средствах массовой информации. Обилие травмирующих событий в современной истории и запаздывающее признание их значимости, разорванность истории в сознании современного человека, ускорение социального времени, распад традиционных сообществ и исчезновение целых классов заставляют гуманитариев обращаться к проблемам памяти (исторической, социальной, коллективной).

Существует многовековая, ещё с античных времён, традиция изучения проблем памяти. Древние греки почитали богиню памяти Мнемозину – сестру Кроноса и Океаноса, мать всех муз. По их представлениям, она обладает всеведением: согласно Гесиоду, она знает «все, что было, все, что есть, и все, что будет». Когда поэта посещает муза, он пьёт из источника знания Мнемозины и прикасается к познанию «истоков» и «начал». Платон предлагал соотносить проблему памяти с *eikon* – представлением в настоящем отсутствующей вещи. Проблема *eikon* увязывается с помощью метафоры о восковой дощечке с проблемой отпечатка – *typos*: заблуждение уподобляется либо стиранию следов, либо оплошности вроде той, которую совершает человек, идя по ложному следу. В «Теэтете» Сократ предполагает, что в наших душах находится кусок воска – у разных людей он отличается качеством – и что это дар Мнемозины¹. Когда мы видим, слышим или мыслим что-либо, мы используем этот воск и запечатлеваем на нём

чувства и мысли. Платон считает, что существует знание, не выводимое из чувственных впечатлений, что в нашей памяти хранятся формы, или шаблоны, идей, сущностей, которые душа знала до того как была низвергнута. Подлинное знание, по его представлению, заключается в приведении отпечатков, оставляемых чувствами, в соответствие с шаблоном, или отпечатком высшей реальности, который отображает вещи здесь.

Аристотелевская теория памяти и припоминания выводится из чувственных впечатлений². Чувственный опыт продуцирует некоторые образы, которые можно сравнить с отпечатком перстня на воске. Вспоминать означает созерцать запечатлевшиеся в душе образы, или фантазмы, и через них – то, слепком чего они предстают. В средневековой традиции память – это *memoria*, способность удерживать знание о пережитом, о людях давно умерших или отсутствующих³. Это память отдельных групп или людей о персонах, как-либо с ними связанных, – родственников, друзей, членах группы.

Современные теории памяти выделяются в группу *memory studies*, или *cultural studies*. Проблематика ряда областей современного гуманитарного знания стала переосмысливаться в свете *memory research* – научных исследований в области памяти. После работ М. Хальбвакса воспоминания и память рассматриваются как коллективный социальный феномен – коллективная память⁴. Появилось новое научное направление – социологическое исследование памяти. В русле исследований *memory studies* выделились не только социологические, но также и исторические, культурологические, герменевтические и психологические подходы к исследованию проблем памяти.

В контексте вышеизложенного представляется интересным рассмотреть влияние психоанализа на «мемориальную» проблематику. Нужно отметить, что психоанализ в целом оказал большое влияние на многие гуманитарные науки – социологию, литературоведение, этнографию, культурологию и, в общем, на всю интеллектуальную культуру XX в. Главная особенность психоанализа, привлекавшая к нему много сторонников вне зависимости от того, разделяли они или не разделяли все взгляды Фрейда, – это новое представление о личности как изменяющемся во времени сложноструктурированном развивающемся образовании.

Вопрос о том, вправе ли мы применять к коллективной памяти категории, выработанные в ходе психоанализа, интересовал ещё П. Рикёра⁵. Он считал, что философ может находиться среди психиатров и психоаналитиков только при том условии, если он сомневается в претензии сознания познать самоё себя. Его интересовал вопрос о подлинном субъекте работы памяти, так как историку важно знать, с чьей памятью он имеет дело – личности или коллектива. В «Конфликте

интерпретаций» учёный отмечает, что для современного философа Фрёйд является такой же величиной, как Ницше и Маркс, – все они мыслители, срывающие маски⁶. Интерпретация снов, мифов, символов, фантазий – то, чем занимается психоанализ, – это оспаривание роли сознания как источника смысла. Фрёйд предполагал, что умственное развитие индивида (онтогенез) повторяет умственное развитие вида (филогенез), его интересовало формирование психики в архаические времена, поэтому он обращался к древним мифам с надеждой разгадать их скрытый смысл и полагал возможным вернуть память о происхождении человечества.

Традиционная и психоаналитическая системы памяти различны. Первая существует в тех же трёх формах, которые представляли себе древние греки, – в виде мнэме, анамнезиса и Мнемозины. Мнэме – это способность хранить информацию, анамнезис – воспоминание, а Мнемозина – собственно память. Кроме того, свойством памяти является и забвение (Лета). Психоаналитическая система, по Фрёйду, основана на том, что человек не только забывает своё прошлое, но и вытесняет его с целью психологической защиты. Но негативное прошлое не исчезает из памяти, а продолжает влиять на поведение человека, обнаруживая себя в снах, оговорках, описках и различных психологических сбоях. Их постоянство свидетельствует об их особой роли в механизмах бессознательного⁷. Забывание, которое считалось нормой, Фрёйд объясняет тайным желанием забыть, обусловленным виной, стыдом, страхом. Он писал: «Ни одна психологическая теория не была ещё в состоянии дать отчёт об основном феномене припоминания и позабывания в его совокупности; более того, последовательное расчленение того фактического материала, который можно наблюдать, едва лишь начато. Быть может, теперь забывание стало для нас более загадочным, чем припоминание, с тех пор как изучение сна и патологических явлений показало, что в памяти может внезапно всплывать и то, что мы считали давно позабытым»⁸.

Исследователь предполагал, что знание механизмов забывания чрезвычайно важно для человека, так как чем больше он узнает о своей прошлой жизни, тем лучше будет подготовлен к будущей. Для многих людей без знания и понимания событий собственной личной жизни, жизни их близких, их народа не понятна и жизнь настоящая. Память, по представлению психоаналитиков, представляет собой некоего посредника между глубинами бессознательного и сознанием и способна восстановить разорванные связи между ними. Таким образом происходит «примирение» пациента с тем негативным, что было вытесненным. Но Фрёйд понимал, что если всё неприятное, негативное забывается, то нарушается контакт человека с окружающим миром, поэтому он выделил психические структуры, препятствующие забыванию, – «супер-эго», или «сверх-я», которые

удерживают любые события в памяти человека, в том числе и негативные. Модель психики, предложенная Фрэйдом, объясняет мотивы забывания и запоминания. Способностью удерживать в памяти неприятную или унижающую их информацию обладают люди, пользующиеся уважением у окружающих (праведники, писатели, философы).

Предположение Фрэйда, что все воспоминания сохраняются, привели его к мысли о том, что психоанализ может быть поставлен на службу исторической науке. Обращение историка к коллективной памяти позволило раскрыть истоки прошлого. Историк П. Хаттон писал, что Фрэйд описывает психологические расстройства так, как если бы они были деталями карты, обозначающими мнемонические места в бессознательном. Изобретённый им психоанализ как техника чтения такой «карты» является современным искусством памяти. Хаттон полагал, что образы памяти содержат в себе мнемонические коды к глубочайшим тайнам бессознательного⁹.

Память существует не только в личной сфере, но и в поле социальных сил, и индивидуальную память невозможно исследовать в отрыве от коллективной. Рикёр замечает, что Фрэйд всегда отрицал различие между психологической и социологической областями, и подчёркивает, что существует глубинная аналогия между индивидом и группой¹⁰. Социальную природу памяти впервые начали исследовать французские социологи: школа Дюркгейма суть всех психологических феноменов искала не в индивидуальном сознании, а в общественных явлениях. М. Хальбвакс, развивая идеи Дюркгейма, положил начало новому направлению – социологическому исследованию памяти, доказав её не только психофизиологическое, но и социальное происхождение. Он предложил коллективные воспоминания («коллективную память») рассматривать как социальный феномен, необходимый для выживания общества, так как «коллективная память» является залогом его идентичности.

Предлагая свою концепцию памяти, Хальбвакс исходит из того, что для индивида доступны два её вида – индивидуальная и коллективная¹¹. Индивидуальная обусловлена коллективной, которая воплощена в традициях, социальных институтах, коммеморациях, а совместные социальные действия и ритмы социальной жизни – важный момент запоминания. Он пишет, что человек «полагается на опорные точки, существующие вне его и установленные обществом. Более того, функционирование индивидуальной памяти невозможно без этих инструментов – слов и идей, не придуманных индивидом, а заимствованных им из его среды»¹².

Исследуя проблемы памяти, учёные обращают внимание на так называемые травмы (субъекта, личности, сознания, памяти). Особенность их состоит в том, что некоторые люди предпочитают их не помнить, жертвы же этих событий страдают

от расщепления памяти, потери идентичности и в целом от того, что психоаналитики называют травмой. И для тех кто был свидетелем ужасных событий, и для тех кто родился позднее, травматический опыт не проходит бесследно. Психоаналитики доказали, что происходит передача травмы из поколения в поколение. А. Эткинд пишет, что историческая травма продолжает жить, изживаться и переживаться выжившими¹³. Тяжесть травмы может ослабевать, но передается потомкам. Психоаналитики отмечают межпоколенную передачу травматического стресса и посттравматического синдрома, которые становятся особенностями массовой психики общества. Через механизмы социализации травмы передаются детям и внукам, отражаясь в их снах, фантазиях, показателях социального функционирования. Задача психоаналитика состоит в том, чтобы распознать вытесненные события по известным психоаналитическим симптомам (оговоркам, забываниям, неловким действиям), найти настоящую причину вытеснения, донести это до человека и примирить его с прошлым.

Немецкий историк Й. Рюзен, рассматривая проблему кризиса исторической памяти, описывает его как психологическую травму для человека, его пережившего. Он считает, что психоанализ может помочь исследователям преобразовать травматический опыт прошлого и придать ему исторический смысл, «если задаться поиском следов травмы в историографии и других формах исторической культуры, в рамках которой люди находят жизненную ориентацию в ходе времени. Эти следы скрыты памятью и историей, и иногда трудно обнаружить вызывающую тревогу реальность под этой сглаженной поверхностью коллективной памяти и интерпретации»¹⁴. О необходимости помнить прошлое пишет американский историк А. Мегилл: «Иногда говорят, что немцы в первом или втором поколении после Второй мировой войны, а японцы даже сегодня подавляют и продолжают вытеснять память о тех злодеяниях, которые их нации осуществляли в ходе той войны. Можно просто сказать, что то, в чём нуждались немцы, и в чём всё ещё нуждаются японцы, – это память; и чем её будет больше, тем лучше»¹⁵.

Тема «травмы», понятие «травмы» приобретают в современных исследованиях важнейшее значение. Учёные отмечают, что воспоминания о коллективных исторических травмах часто носят политизированный характер, так как многое зависит от того, какова оценка этих воспоминаний в настоящем. В такой ситуации знание и использование психоанализа является чрезвычайно актуальным. Т. Адорно считает, что точное знание психоанализа актуально как никогда прежде. Он пишет о том, что «нечто вроде массового анализа настолько же оказалось бы целебным, если бы строгий психоанализ обрёл своё институализированное место и стал оказывать влияние на духовный климат в Германии, даже если бы он

состоял единственно в том, чтобы сделать само собой разумеющейся привычку не выплёскивать недовольство вовне, но размышлять о самих себе и своём отношении к тем, на кого привыкло гневаться закостенелое сознание»¹⁶.

Нужно заметить, что отношение к проблемам психоанализа, истории, травмированной памяти неоднозначно. А. М. Руткевич в своей статье, которая так и называется «Психоанализ, история и “травмированная память”», сомневается в эффективности использования методов психоанализа в решении исторических проблем¹⁷. С ним можно согласиться, если речь идёт об историках, которые некритически используют в своих исследованиях идеи З. Фрейда. Но сам он признаёт, что даже далёкий от психоанализа учёный может признать эвристическую ценность тех или иных гипотез З. Фрейда, не принимая его учения в целом. Руткевич также согласен с тем, что знакомство с психоанализом полезно для историка, как для других мыслителей – с Марксом, Ницше, Парето; он отмечает, что психоанализ XX в. был и остаётся одной из наиболее плодотворных психологических теорий. В то же время Руткевич не согласен с тем, что психоанализ связан с «исторической памятью». «Коммерциализация исторических знаний сочетается с доведённым до крайности “презентизмом” – популярные статьи и фильмы почти всегда указывают нам на связь прошлого и настоящего. Житель мегаполиса должен знать, что его сегодняшнее благосостояние было целью всей предшествующей истории. Концепция “исторической памяти” возникла как отклик на эту “демократизацию” исторических знаний. Историю пишут не столько для коллег по научному цеху, сколько для жаждущих просвещения масс, а потому историк становится хранителем коллективной памяти»¹⁸. Именно после этого, с его точки зрения, следуют ссылки на психоанализ. Вытеснение связывается с травмой, нанесённой коллективному опыту. Негативно относятся учёный и к понятию «коллективная память». Естественно, что, отвергая такие понятия, как «историческая память» и «коллективная память», он отвергает и термин «травма» как ни к чему не обязывающую метафору.

Можно возразить, что тот «мемориальный» всплеск в гуманитарных науках, который происходит в последние десятилетия, неопровержимо доказывает, что сформировалась или формируется новая парадигма гуманитарных исследований, связанная с понятиями «память», «коллективная память», «социальная память», «историческая память» и «культурная память»¹⁹. Коллективная, историческая память – эти понятия были обоснованы в трудах М. Хальбвакса, изданных ещё в 1950-х гг., и на их основе сформировались все вышеописанные подходы. С идеями Хальбвакса спорят, их дополняют и развивают. Это лучшее свидетельство того, что наследие французского исследователя живо и современно. Понятие

«память» становится инструментом исторической науки. В результате «антропологического, культурного поворота в историографии» наука перестаёт рассматриваться как исключительная форма репрезентации прошлого.

Психоаналитический подход помогает учёным в решении сложной проблемы памяти, связанной с таким явлением как достоверность воспоминаний. Считается, что одна из задач истории как науки состоит в том, чтобы навести мосты между прошлым, настоящим и будущим и восстановить прерванную связь. Эта же задача стоит перед памятью. Разрешая эту проблему, Хальбвакс обращается к оппозиции «память – история» и подчёркивает различие между типами прошлого, которое они восстанавливают: память за сходство между прошлым и настоящим, история – за различия, так как у неё критическая позиция по отношению к прошлому. Она отмечает эмоции, с которыми связана и на которые воздействует память. События и образы, восстанавливаемые памятью, зыбки, а исторические свидетельства достоверны. Хальбвакс показывает, как в передаче реальности прошлого ненадёжна память и как объективна история. Коллективная память, с его точки зрения, не совпадает с историей: она творит связь прошлого и настоящего, а история разрывает эту связь. В то же время ни одно историческое исследование не может претендовать на исчерпывающую полноту. Историк ограничен собственными взглядами, теми представлениями о прошлом, которые господствуют в данном обществе в данное время, он также зависит от того, какой полнотой фактических данных о прошлом располагает. Парадокс состоит в том, что историки не только зависят от представлений, которые популярны в данном обществе, но и формируют эти представления. Я. Зерубавель пишет: «Конечно, историки могут стремиться соответствовать идеалу беспристрастного анализа событий прошлого, но они также принадлежат своему обществу и, будучи его членами, часто откликаются на господствующие в этом обществе представления о прошлом. Действительно, историки могут не только разделять те исходные посылы, на которых зиждется коллективная память, – своими работами они также могут способствовать формированию самих этих посылок, что хорошо видно на истории самих этих движений»²⁰.

Современная история травматична, следствием этих травм являются искажение, сбой социальной памяти. Общество вытесняет из памяти болезненные события и социальные потрясения: страдают от расщепления памяти не только индивиды, но и общество в целом. Разрывы в памяти приводят к тому, что люди теряют связь с прошлым и свою идентичность. Здесь на помощь может прийти психоанализ, который возвращает из бессознательного вытесненное прошлое. Психоаналитический метод способен восстановить социальную память и примирить

общество с его прошлым. В заключение можно сказать, что психоанализ как метод используют для того, чтобы напомнить о тех проблемах бессознательного, которые ещё не решены сознанием. Техника психоанализа показывает нам значение памяти в жизни человеческой личности.

Примечания

- ¹ См.: Платон. Тезетт // Собр. соч. : в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 251.
- ² См.: Аристотель. О душе. О памяти и припоминании // Вопр. философии. 2004. № 7.
- ³ См.: Арнаутова Ю. Е. От «тмотогія» к истории памяти // Одиссей. М., 2003. С. 171–198.
- ⁴ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007 ; Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
- ⁵ См.: Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.
- ⁶ См.: Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 152–186.
- ⁷ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990. С. 202–309.
- ⁸ Цит. по: Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. М., 1980. С. 106.
- ⁹ См.: Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. 420 с.

- ¹⁰ См.: Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. С. 189.
- ¹¹ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти.
- ¹² См.: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. С. 8.
- ¹³ См.: Эткинд А. Время сравнивать камни. Постреволюционная культура политической скорби в современной России // Ab imperio. 2004. № 2. С. 35.
- ¹⁴ Рюзен Й. Кризис, травма, идентичность // «Цепь времён». Проблема исторического сознания. М., 2005. С. 59–60.
- ¹⁵ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 93.
- ¹⁶ Адорно Т. В. Что означает «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 44.
- ¹⁷ Руткевич А. М. Психоанализ, история, травмированная «память» // Феномен прошлого. М., 2005. С. 221–251.
- ¹⁸ Там же. С. 238.
- ¹⁹ См.: Социальная память российской цивилизации. Саратов, 2001. 93 с. С 1989 года в Израиле издаётся журнал («History and Memory: Studies in Representation of the Past») «История и память. Исследования в области репрезентации прошлого».
- ²⁰ Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Ab imperio. 2004. № 3. С. 75.

УДК 1:316

ИДЕОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА ПОД ЗНАКОМ ТРАДИЦИИ/МОДЕРНА/ПОСТМОДЕРНА

И. М. Семашко

Волгоградский государственный университет
E-mail: vse-v-shokolade@ya.ru

В статье дан обзорный анализ интерпретаций феномена «глобальный терроризм», существующих в научном и политическом сообществах. Выявленные интеллектуальные и идеологические позиции структурированы в соответствии с принятой периодизацией европейской концепции всемирной истории, т. е. под знаком традиции, модерна и постмодерна. Каждое из этих направлений вырабатывает свое концептуальное видение терроризма, называет причины этого явления и предлагает способы решения проблемы.

Ключевые слова: глобальный терроризм, традиция, модерн, постмодерн.

Global Terrorism Ideology under the Sign of Tradition/Modern/Postmodern

I. M. Semashko

This article presents an analytical review of the existing in academic and political areas interpretations of the phenomenon of «global terrorism». Exposed intellectual and ideological positions are structured according to acknowledged periodization of the European Universal history conception, i.e. under the sign of tradition, modern and

postmodern. Each of these directions produces one's conceptual vision of the phenomenon of terrorism, names its reasons and gives recommendations to solve the problem.

Key words: global terrorism, tradition, modern, postmodern.

Глобальный терроризм является одним из основных вызовов современности, влияющих на перспективы развития мира в целом. Одной из особенностей проблемы терроризма, по мнению исследователей, является ускользание сущности этого феномена. Речь здесь идет не столько о научной дефиниции, вокруг которой можно спорить бесконечно, сколько «об очень простой и в то же время исключительно важной вещи: в обществе нет однозначности относительно идентификации тех или иных явлений в качестве террористических» (А. А. Гусейнов)¹. Обращает на себя внимание отсутствие принятых международным сообществом дефиниций, свободных как от субъективного фактора («Террористы – это наши враги, люди, которые ненавидят то, что мы любим»²), так и от мировоззренческой или идеологической